

ство, такое большое и могучее, какъ Россія, могло отказаться и действительно отказалось отъ извѣстной выгоды отъ приобретения такого насельнаго (для Россіи) края, то-есть отъ этнографическаго сдѣланія русскаго народа съ русскими, къ чему по необходимости должна была стремиться и настоянно и съ успѣхомъ стремилась Швеція (образованная уже въ начаточности, въ отношеніи тогдашняго Финляндіи составляла три четверти ея собственнаго пространства и половину ея собственнаго населенія, но отълично понимала фанни, выносившіе ассимиляторскій натиск шведовъ и стремившіеся къ отлученію Финляндіи отъ Швеція для присоединенія ея къ Россіи). Осуществить это они готовы были даже силой. Такъ, въ 1788 году въ Финляндіи состоялся заговоръ противъ шведскаго короля Густава III, имѣвшій цѣлью принудить его отречься отъ своихъ правъ на Финляндію. Въ главѣ заговора стоялъ финскій патріотъ Магнусъ Страндбергъ. Заговоръ не удался. Но черезъ двадцать лѣтъ Финляндія была присоединена къ Россіи русскими оружіемъ.

И фанни не ошибаясь въ своемъ стремленіи. Действительно,—говоритъ Н. Я. Давыдовскій,—только со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи началась пробуждаться финская народность и достигла, въ концѣ концовъ, того, что на языкахъ ея могли быть приняты равноправность со шведскими въ отношеніи университетскаго образованія, администраціи и преній въ сеймѣ. Ни одной побѣды финляндскихъ

должны перейти на Россию. Одним словом, ни в правительстве, ни в материальном отношении Россия не только не эксплуатировала Финляндия, а совершенно наоборот: всегда простирала за ней свою руку помощи. Сданным Россией для финской национальности будет, быть может, вполне беспристрастная оценка.

Это цинизм и сама финн, отжившиеся верности России и преданности ее Государству, пока эти не оставили шведских привычек, сохранявшие и сохраняющие за собою, свои власти и влияние по древнему шведскому владычеству, даже посылке прав на Западную и Юго-Западную часть до 1863 г., и неуважении их на другой путь, считали зазорное, по отце зазорное участие о «финляндской государственности», впервые увидевшие свет, — это невольно изумлению, — в шестидесятые годах изумительное состояние. Это изумительное изведение, — а не история, не прошлое Финляндии и не капи-лабо-естественная или доказательная права ее, — послужило основанием и служить источником «финляндского вопроса», впервые возникшего через *сильного политический* по присоединении Финляндии к России и ее мирной и законодательной жизни под ее санктпетербург.

Шведо-финляндские сепаратисты основывают свои претензии не на том, что бы была Финляндия до присоединения ее к России, а на том, что она, по сочинению или «учению», должна была вернуть ее обратно через 55 лет по присоединении ее к России (когда было сочинено это учение). Иногда не жившая самостоятельной жизнью, Финляндия и под шведским, и под русским владычеством была провинцией, — теперь она вернула должна быть самостоятельным «финляндским государством».

Что это, как не пасивизм — и падение истории, и падение правды, и падение простого парамиты смысла.

А. Вольный.

Кое-что о Новороссийском университете.
(Продолжение).

Г. министр утверждал выборы. Но это не останавливало клан. Студенты объявляли бойкот проф. Лезавову и Мильковскому, считая свою резолюцию санкцией патланам корабельщика по их адресу. Тогда правые товарищи проф. Лезавова и Мильковского по факультету за свою очередь объявляли забастовку из той раз «профес-

Милая стройность девушки просвечивала сквозь росы на ее груди, надежда на то, что таинственное, присутствующее только в девушке, существо на порогах ее лица, на порогах страдания жизни написана уже своим собственным-правильным мелодию.

Это было какое-то чудо. И как так трудно проследить за тем, как все это существо случается и как все это стало именно таким, каким оно было.

Все было соткано из счастья и тяжелых, причудливых ощущений.

В то время, как я шла куда-то и совершенно забывать все, как было, она крепко зацепилась за меня, и именно из-за этого, когда я хочу выхватить перед собой образ ее положительного зила. А когда и пытаюсь думать о том, как пришло горе и как-то часы счастья, я снова пишу то бурно-мное, что свивалось в ее волосы и что является самым живым из всего этого, что является самой молодости, нова юности, вечная юность, юность, которую соединяет счастье, юность, созданная мной.

— Это было в тот вечер, когда она получила школьный шарф. Она захотела, чтобы ты не стал зило. Не сказать ни слова, она вдруг зашла из винный магазин.

— Мадеру! потребовала она.

— Она ботала и сидела, села на стул и размазала ноги, как маленькая девочка.

В магазин было несколько покупателей, которые обрадовались дружно и бесстрашно между собой. И когда, как она скрутила наверх, когда мы шли. Мы слышали, как одна из них пошептала:

— Счастие!

(Это было во время ислепств, проведенных нами у моря, ислепств, которые на один раз перепрыгивали восторгами).

Она оглушила голову пладом и шагала на прошедшего сапога, ее толкали десятилетия, торжествующими «да» в глазах, сапога и никогда раньше не видела, не забуду этого видога. И можно есть, и в те люди смотрели глаза видеть так, выгадом, точно они хотели сказать: «Мы никогда не видели ничего больше прекрасного». Значит счастье еще существует в мире!»

(Прод. след.)

